

М.А. Литвинюк

ЧЕРТЫ ПАСТОРАЛЬНОГО ЖАНРА В СЕНТИМЕНТАЛЬНОЙ ПРОЗЕ Н.М. КАРАМЗИНА

Статья посвящена исследованию повестей «Бедная Лиза», «Наталья, боярская дочь» и «Юлия» Н.М. Карамзина с точки зрения трансформации сентименталистами традиций античной пасторали. Проводится анализ художественного пространства и времени, образов главных героев. Выявлены различные варианты пасторального мира, возможности его сохранения в допетровскую эпоху и его разрушение под влиянием современной (по отношению к автору) цивилизации. Сентиментальные повести Н.М. Карамзина включены в общую систему художественной прозы писателя.

любовь, пастораль, пастух, пастушка, природа, хронотоп, цивилизация.

Значимость «жизни сердца» и его тесная связь с природой в искусстве сентиментализма способствовала распространению пасторальных жанров, истоки которых восходят к античной буколке. Латинское *pastoralis* и греческое *bukolikos* означают «пастушеский». К жанровым формам буколической поэзии относят эклогу (греч. *ekloge* – выборка) и идиллию (греч. *eidyllion* – картинка)¹. Применительно к лирике данные обозначения часто используются как синонимы. Однако пасторальный пражанр изначально заключал в себе возможности не только лирического, но и двух других родов. Древнегреческий поэт Феокрит в своих идиллиях опирался на античный мим, подготавливая развитие пасторального жанра в драматическом литературном роде и театральном искусстве. Драматизацию пасторальных тем использовал в своих эклогах и древнеримский поэт Вергилий. При этом термин «идиллический» в современном литературоведении закрепился не только как жанровый, но и как пафосный. В.Е. Хализев под «идиллическим в искусстве и литературе» понимает «радостную растроганность мирным, устойчивым и гармоничным сложением жизни» и относит сюда «спокойное семейное бытие и счастливую любовь», «единение человека с природой, его живой, творческий труд»². Идиллический пафос просматривается и в повествовательной пасторальной традиции, которая подготавливается пастушеским романом древнегреческого писателя Лонга «Дафнис и Хлоя».

С.И. Пискунова в качестве основного жанрообразующего признака пасторали называет пасторальный хронотоп – «привязанность пасторального дискурса к специфическим времени – пространству, на пересечении которых возникает

¹ Гаспаров М. Л. Буколическая поэзия // Литературный энциклопедический словарь. М., 1987. С. 59.

² Хализев В.Е. Теория литературы. М., 2007. С. 79.

целостный образ пасторального мира». Исследователь заостряет внимание на его противопоставленности «миру антипасторальному», отмечая, что «анти-тетичность – конститутивная черта пасторали, определяющая как внутреннее строение жанра, так и ее внетекстовые связи»³.

Второй момент становится особенно важным именно для сентименталистов, ведущая оппозиция в творчестве которых – противопоставленность природы (деревни) и цивилизации (города). В античной пасторали данная антитеза еще не имела такой значимости. В романе Лонга пасторальное пространство отделено от города определенным расстоянием («стадиях так в двухстах»), но находится с городом (Митиленой) на одном острове (Лесбосе).

Античная пастораль дает варианты как разграничения пастушеского, собственно природного, и крестьянского, земледельческого миров (соответственно «Буколики» и «Георгики» Вергилия), так и их единства. В «Дафнисе и Хлое» пасторальный мир представляет гармоническое единство жизни дикой природы и трудовой человеческой деятельности, природная жизнь оказывается в одном локусе с имением, будучи вместе с ним отстоящей на 200 стадий от города.

В ранней повести Н.М. Карамзина «Евгений и Юлия» (1789), как и во многих сентиментальных повестях 1790-х годов других русских прозаиков, еще нет четкого разграничения пасторального и антипасторального миров на уровне хронотопа, хотя в отдельных произведениях намечается противопоставление на персонажном уровне.

В повести «Бедная Лиза» (1792) Н.М. Карамзина не только деревня вместе с природой отделены от города рекой, но и пасторальное место встреч героев отстоит на определенном расстоянии («саженях в осьмидесят») от хижины, где живут мать с Лизой. Деревня занимает промежуточное положение. Как часть природного мира она противостоит городу, как впитавшая в себя элементы цивилизации – собственно пасторальному миру. Место встреч Лизы и Эраста сохраняет все черты пасторального жанра: «тень столетних дубов», «глубокий чистый пруд, еще в древние времена ископаный»⁴.

Отдельному, особому пространству соответствует особое, остановившееся время. В плане времени город (Москва) за счет экскурса в прошлое в лирическом вступлении, а затем в указании на военный поход в момент обострения противоречий между героями входит в исторический контекст. В жизни деревни обозначена идиллическая смена поколений (родители Лизы). В то же время сватовство зажиточного крестьянина к Лизе, которое могло бы продолжить линию семейной идиллии, оказывается противоположным пасторальному миру и представляет для него некую угрозу.

Контраст на уровне хронотопа в сентиментальной повести мог дополняться или не дополняться противостоянием персонажей, и этот момент во многом определял возможность существования пасторального мира. Дафнис и Хлоя у Лонга – оба из мира пасторали, хотя и подкидыши. Герои произведений XVIII

³ Пискунова С.И. Пастораль. URL : <http://svr-lit.niv.ru/svr-lit/articles/piskunova-pastoral.htm>

⁴ Карамзин Н.М. Бедная Лиза. М., 1985. С. 11.

века, особенно сентиментальной прозы, часто являются представителями разных сословий («Страдания юного Вертера» И.В. Гёте, «Юлия, или Новая Элоиза» Ж.-Ж. Руссо).

В «Бедной Лизе» Н.М. Карамзина «груз» сословия влияет на возможность пребывания в пасторальном мире. В отличие от античной буколической поэзии, для которой нехарактерна психологическая мотивировка вхождения влюбленных в пасторальный мир, в повести Н.М. Карамзина пастораль создается сознанием героини. Именно через восприятие Лизы, наделенной особым пасторальным сознанием, даются события, хотя повествователю о них поведал Эраст – герой, пришедший в пастораль из города (цивилизации).

Пасторальный мир является воображаемым, желаемым. Мечты Лизы, данные через внутренний монолог, представляют собой идиллию – картинку, воспроизводящую все атрибуты буколической поэзии: пастух, стадо, свирель. С помощью фантазии Лиза включает себя в этот мир как пастушку, но заменяет пастуха Эрастом. Силой мечты Лизы оба героя на недолгое время оказываются в пасторали. Реализация мечты подчеркнута повтором фраз, рисующих воображаемые действия пастушка из представлений Лизы и Эраста, повторяющего воображаемое, а также усилена во втором случае курсивом: «...взглянул на нее с видом ласковым, взял ее за руку...»⁵.

Между тем для Эраста пастораль не естественное состояние сердца, а мир экзотики, о чем свидетельствует авторская характеристика героя: «Он читывал романы, идиллии... и часто переселялся мысленно в те времена...»⁶. Далее следует вольный пересказ традиционного пасторального сюжета с ироническим («если верить стихотворцам») комментарием повествователя.

Было ли «переселение» Эраста в пасторальный мир только разыгрыванием роли пастушка? Исправление героя в финале позволяет подозревать определенную искренность его чувств, но вряд ли можно говорить о «пронизанности» всего существа Эраста пасторалью в отличие от Лизы.

В античной пасторали платоническое и физическое в любви находились в гармонии. В «Дафнисе и Хлое» физическое начало любви выражено сильнее, чем в «Буколиках» Вергилия, но оно не враждует с тем, что у сентименталистов будет обозначено как «жизнь сердца». Дафнис хранит целомудрие возлюбленной.

В «Бедной Лизе» физическое и душевное (в системе сентиментализма воплощающее в себе и духовное) выступают как враждебные начала, поскольку сознание одного из героев (Эраста) «испорчено» цивилизацией. Поиск удовольствий убивает его душу, делает его эгоистом. Пасторальное существование героев дается подчеркнуто как платоническое (античный образ Цинтии с эпитетом «стыдливая»). Разрушение пасторали связано с пробуждением эгоистического чувства в Эрасте, которое и переводит платонический цикл общения героев в обычный для Эраста и надоевший ему физический. Толчком становится сообщение Лизы о сватовстве зажиточного крестьянина, данное сразу после фраг-

⁵ Там же. С. 9.

⁶ Карамзин Н.М. Бедная Лиза. С. 8.

мента о семейной идиллии родителей Лизы. Именно после этого Эраст нарушает данное им самому себе обещание жить с Лизой как брат с сестрой.

Выход героя из пасторального мира не выводит из него героиню. Ожидание возлюбленного для нее – знак верности пасторали. Однако открытие истинного Эраста (снятие маски пастушка), которое происходит в городе, делает для Лизы дальнейшее земное существование бессмысленным. Тождество душевного и духовного, с одной стороны, приводит героиню к самоубийству (замкнутость на пасторальном чувстве), а с другой – это вариант перехода героини в вечную пастораль, куда в финале должен переселиться и раскаявшийся герой.

В повести «Евгений и Юлия» пасторальное счастье влюбленных было прервано смертью героя. В «Бедной Лизе» трагедия связана с неподготовленностью сердца героя из цивилизованного мира к идиллическому состоянию.

В рамках сентиментальной повести Н.М. Карамзин признает возможной земную пастораль, но, во-первых, как супружескую, а во-вторых, при возможно большем удалении от цивилизации. В «Бедной Лизе» данный вариант только намечается. Это семейная крестьянская идиллия родителей Лизы. В повести «Наталья, боярская дочь», написанной в том же 1792 году, супружеская идиллия оказывается возможной за счет обращения к идеализированному допетровскому прошлому, когда «русские были русскими». Герои повести Наталья и Алексей – боярские дети, но само пространство Руси, еще не испытавшей влияния европейской цивилизации, приближается к идиллическому. Поэтому даже представители высших сословий близки к природе и способны жить по законам сердца.

Уже в экспозиции представлен идеализированный вариант существования боярской девушки, мир которой предельно замкнут, сохраняет тесную связь с природой и готовит ее к встрече с возлюбленным. Местом прогулок героини был сад или «большой зеленый луг», где она «рвала цветы, любовалась летающими бабочками, питалась благоуханием трав»⁷.

В «Наталье...» оба героя сохраняют чистоту сердца, что и делает возможным вхождение их в пасторальный мир. Супружеская идиллия разворачивается в «диком, уединенном жилище посреди непроходимого леса»⁸. Прием умолчания указывает на сохранение таинственной завесы в изображении отношений между супругами. Повествователь в лирическом отступлении призывает счастливых супругов к «целомудрию в самых высочайших наслаждениях страсти»⁹.

В повести «Юлия» (1796) изображается приход влюбленных к идиллии в настоящем времени. Для героев из высшего сословия он оказывается возможным только через преодоление серьезных препятствий и отдаление от цивилизации. В отличие от «Бедной Лизы» центральной героиней «Юлии» является светская женщина, а героем из пасторального мира – мужчина (Арис). Юлии, как и Эрасту в «Бедной Лизе», свойственны противоречия. Однако, испытав влияние города-цивилизации, она оказывается способной войти в пасторальный мир. Два

⁷ Карамзин Н.М. Бедная Лиза. С. 25.

⁸ Там же. С. 40.

⁹ Там же. С. 46.

контрастных начала ее характера реализуются во взаимоотношениях героини с поклонниками-антиподами: близким к природе, безукоризненным в нравственном плане Арисом и воплощающим в себе пороки цивилизации князем N*.

Автора интересует эволюция душевного мира героини, поэтому изображение пасторальной жизни занимает в повести мало места и дается предельно свернуто. Сюда относится описание супружеской идиллии Юлии и Ариса сразу после свадьбы, в «первые шесть или семь недель», которые «протекли для них в деревне, как шесть или семь веселых дней»¹⁰. В этом кратком описании присутствует и единение сердец, которые «сливались в тихих восторгах», и образ природы, участвующей в радостях молодых супругов и цветущей «во всем пространстве садов своих»¹¹. В финале автор вновь возвращается к изображению семейного счастья Юлии и Ариса, которые «живут как нежнейшие любовники, и свет для них не существует»¹². Между пасторальными картинами – сцены светской жизни супругов и пребывания Юлии в одиночестве (а затем с новорожденным сыном Эрастом) в деревне. Это этапы испытания героини и ее внутреннего движения к пасторальному миру.

В предромантической прозе Н.М. Карамзина середины 1790-х годов, связанной с традицией готического романа («Остров Борнгольм», «Сиерра-Морена»), подвергнута сомнению возможность существования пасторали вообще. Более глубокое погружение автора в мир человеческой души позволяет поднять проблему сложности и противоречивости человеческого сердца, которое может находиться в заблуждении. Уже не пагубное влияние цивилизации, а именно психологический момент становится причиной разрушения пасторали.

В рамках же его сентиментальной прозы разрушение пасторали вызвано непосредственно противостоянием природы и цивилизации, неготовностью человека цивилизации к пасторальному существованию. Сохранение ее оказывается возможным в основном в прошлом (допетровская Русь), а в настоящем – только при удалении влюбленных от цивилизации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гаспаров, М.Л. Буколическая поэзия [Текст] // Литературный энциклопедический словарь / ред. В.М. Кожевников, П.А. Николаев. – М. : Советская энциклопедия, 1987. – С. 59.
2. Карамзин, Н.М. Бедная Лиза [Текст] : повести. – М. : Советская Россия, 1985. – 64 с.
3. Карамзин, Н.М. Юлия [Текст] // Русская сентиментальная повесть / сост. П.А. Орлов. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 1979. – С. 106–118.

¹⁰ Карамзин Н.М. Юлия // Русская сентиментальная повесть. М., 1979. С. 112.

¹¹ Там же. С. 112.

¹² Там же. С. 118.

4. Лонг. Дафнис и Хлоя [Текст] / пер. с древнегр. С.П. Кондратьева. – М. : Художественная литература, 1964. – 177 с.

5. Пискунова, С.И. Пастораль [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://svr-lit.niv.ru/svr-lit/articles/piskunova-pastoral.htm>

6. Хализев, В.Е. Теория литературы [Текст] : учеб. – М. : Высшая школа, 2007. – 438 с.

M.A. Litvinuk

**THE BUCOLIC GENRE
IN N.M. KARAMZIN'S SENTIMENTAL PROSE**

The article analyzes N.M. Karamzin's stories «Poor Liza», «Natalia the Boyar's Daughter» and «Julia» from the point of view of transformations introduced by sentimentalists into the pastoral genre. The paper analyzes literary space and time as well as literary characters. It highlights a number of bucolic traditions and dwells on their transformations during the period contemporary with the author. N.M. Karamzin's sentimental stories are analyzed against the background of his literary heritage.

love, pastoral, shepherd, shepherdess, nature, chronotype, civilization.